

Е. Иванова
Москва, ИМЛИ РАН

Вл. Гиппиус: превратности литературной судьбы

Публикация наследия писателя предполагает установление его историко-литературных координат, места и роли в литературном процессе своей эпохи. Применительно к наследию Владимира Васильевича Гиппиуса установить эти координаты можно весьма приблизительно, как это сделано в названии сборника, где были опубликованы его ранние прозаические опыты и впервые расшифрованные воспоминания о Блоке – «писатель символистского круга».¹

Более или менее ясно, когда и как он вошел в этот круг: в 1890-е годы, когда символизм только зарождался, что в свое время отметил С. А. Венгеров в редакционной заметке к написанной Вл. Гиппиусом статье «А. М. Добролюбов» в книге «Русская литература XX века»: «Собственно говоря, Владимиру Гиппиусу принадлежит такая же роль первого русского декадента, как и Добролюбову».² Он действительно сыграл некоторую роль в возникновении нового течения, о чем пойдет речь в предисловии к публикуемой далее его переписке с Брюсовым. Но если имя Александра Добролюбова вписано в историю символизма, что называется, всеми буквами, то Владимир Гиппиус полноправным участником символизма как литературного течения так и не стал, как впрочем, и участником какого-либо другого литературного течения или кружка, которыми была богата литература конца XIX–начала XX века.

В 1890-е годы вместе с Добролюбовым Вл. Гиппиус получил некоторую известность как один из первых русских декадентов, но в начале 1900-х годов перешел на педагогическое поприще, которое вплоть до революции оставалось основным для него, и завязавшиеся к тому моменту литературные связи стал обрывать, хотя и в дальнейшем, как он выразился в воспоминаниях о Блоке, периодически «выныривал из педагогических забот на литературный берег».³ Эти последовавшие «выныривания» обладали особенностью, которую

Зинаида Гиппиус, одно время возлагавшая на Вл. Гиппиуса, приходившегося ей троюродным братом, большие надежды, назвала способностью «удаляться под сень струй», то есть исчезать с горизонта всякий раз именно в тот момент, когда эти надежды, казалось, вот-вот близки к осуществлению. По существу, литературная судьба Вл. Гиппиуса и протекала в чередовании этих двух позиций.

В неоднократном «выныривании на литературный берег» была еще одна особенность: всякий раз он выныривал под новым именем, так что в словаре И. Ф. Масанова зарегистрировано семь его псевдонимов: Вл. Басманов, Вл. Бестужев, Владимир Г., Г., Вл. Г-ъ, Владимир Г.....ъ, Вл. Нелединский, А. Сумароков. Их обилие отчасти объясняет тот факт, что даже в кругу символистов весьма немногие знали, что за этими псевдонимами скрывается один автор.

В 1890-е годы с идеей создания нового искусства выступили поэты с самыми разными литературными и эстетическими устремлениями. Единственное, что поначалу объединяло их всех, была идея поиска новых путей в искусстве, создания нового искусства, но в том, что именно подразумевалось под ним, они, как правило, расходились, порой весьма существенно. Однако общая установка на новаторство, противопоставление себя господствующим литературным течениям, сыграли свою роль, быстро восстановив против них все наличные литературные силы. В результате сторонники нового искусства оказались на положении отверженных в литературном процессе, все журналы и издательства оказались для них закрытыми, и им невольно приходилось объединяться и эволюционировать навстречу друг другу, организовывая свои альманахи и журналы, тем самым формировать самостоятельное литературное течение.

Объединяло их и то, что все они на этом этапе были ориентированы на широкий спектр современного западноевропейского искусства, на европейскую философию пессимизма Шопенгауэра и Ницше, а также на новые поэтические течения, среди которых особенную роль играл французский символизм, на который ориентировался Брюсов, готовя выпуски своего альманаха «Русские символисты», в этом заглавии ударным моментом для него было сопоставление себя с французским символизмом, не случайно в черновых вариантах заглавие альманаха было «Символизм. Подражание и переводы», так

что слово «символизм» имело на этом этапе особый смысл, далекий от того, которое оно приобретет в 1900-е годы. Тем не менее, критики нового течения уже в 1890-е годы его широко употребляли, отчего в дальнейшем это поколение стали называть еще «старшими символистами».

Однако в 1890-е годы сторонников нового искусства гораздо чаще называли декадентами под влиянием книги психиатра Макса Нордау «Выврождение», русский перевод которой вышел в 1892 году. Название книги звучало как диагноз, который Нордау вынес французским символистам, называя их еще и «декадентами». Под его влиянием декадентство и вырождение стали для критиков тех лет почти синонимами. Однако в 1890-е годы декадентами называли себя и представители нового искусства, подразумевая под этим нечто иное – пессимизм, отрицание религиозных ценностей, индивидуализм, граничащий с самообожествлением.

В момент зарождения новое искусство в России было представлено тремя самостоятельными кружками или литературными группировками, слабо взаимодействовавшими между собой. Вокруг журнала «Северный вестник» в Петербурге объединились тогда поэты Н. М. Минский, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, Ф. Сологуб и отчасти К. Д. Бальмонт. Еще одна группировка возникла вокруг основанного Брюсовым альманаха «Русские символисты», к ней можно отнести всех тех реальных авторов, кто осмелился опубликовать свои стихи в одном из трех выпусков брюсовского альманаха, но ни один из них не оставил сколько-нибудь заметного следа в литературе.⁴

Третье, наименее известное объединение существовало вокруг Вл. Гиппиуса и его постоянного спутника тех лет поэта Добролюбова, но имена тех, кто в 1890-е годы примыкал к ним, известны, главным образом, по упоминаниям в письмах; образцов творчества не сохранилось.

О начале их общего пути с Добролюбовым Вл. Гиппиус вспоминал: «В 1893–1894 г. два петербургских мальчика-гимназиста стали проповедовать повсюду, где изъясно могли, новую литературную веру, известную уже по имени Метерлинка и носившую пренебрежительную кличку *декадентства*. Один из них был Александр Добролюбов, другой – Владимир Гиппиус. И оба они в одинаковой степени возбуждали живое внимание петербургских литературных кружков

в качестве первого доморощенного проявления диковинного заморского течения».⁵

Под петербургским литературным кружком подразумевался круг поэтов «Северного вестника», фактическим руководителем которого был критик Аким Вольтинский. Об отношениях с ними Вл. Гиппиус вспоминал: «Первые связи завязались с “Северным вестником” <...>, куда Вольтинский не принял ни моих стихов, ни Добролюбовских, ограничив свои отношения к нам дружелюбным приемом в своей комнате, где по воскресеньям – утром собирались сотрудники и не сотрудники. Потом – З. А. Венгерова, которая нас благословила и представила своему брату С<емену> А<фанасьевичу>, тоже благословившему; Н<иколай> М<аксимович> Минский, который нас представил Мережковским <...>. Мое декаденство было принято без всяких оговорок только Сологубом, с которым я сблизился с первой же встречи в “Северном вестнике”».⁶

Сближение Вл. Гиппиуса и Добролюбова с Венгеровой и Минским было не случайным. Статья Венгеровой «Поэты-символисты во Франции», опубликованная в журнале «Вестник Европы» в 1892 году (№ 9), стала для многих молодых поэтов, в том числе для Брюсова, источником первого знакомства с французским символизмом, об этом он упоминал в автобиографическом повествовании «Из моей жизни».⁷ Ориентирами для Добролюбова тех лет были Бодлер, Верлен, Маллармэ, Эдгар По; Вл. Гиппиус, по собственному признанию, «был эстет и исповедовал, кажется, исключительно Фета и отчасти Тургенева с эстетической стороны».⁸

О своем декадентстве 1890-х годов Вл. Гиппиус писал как об особой «психологической доктрине», которая «есть идеализация непосредственного личного восприятия мира, как доктрина художественная – культ самого интуитивного, самого внезапного из искусств – музыки. Знаменитую формулу Верлена о музыке превыше всего, мы, конечно, поняли слишком хорошо, когда узнали о ней. <...> Вераваний не было, была личность, воспринимающая мир для себя, для своих ощущений, слушающая музыку вещей, чтобы услышать и чтобы извлечь из самой себя отвечающую ей музыку. Весь мир только для этой остроты личных переживаний; безразличие ко всему естественному окружающему – до отвращения, если это “все” не поет, безразличие ко всему общественному, потому что оно по

существу не певуче, и, наконец, – привычка к такому безразличию, культ его – мистический нигилизм не в том смысле, как это думали видеть у Льва Толстого, но истинный атеизм в тоске по верованиям и в невозможности преодолеть “границы”. И ко всему этому “томление духа” еще та смута влюбленных отношений, которая тяготеет над всяким юношеским сознанием, и чем оно глубже, тем безвыходнее, а для нашей точки тем противоречивее». ⁹

По существу это исчерпывающее описание той эстетики, которая во многих отношениях была общей для него и Добролюбова в начальный, декадентский период их творчества, она отразилась в стихах сборника Добролюбова «*Natura naturans. Natura naturata*» (1895) и в сборнике Вл. Гиппиус «Песни» (1897), несмотря на кажущиеся отличия их поэтического стиля. Еще более ярко эти эстетические начала отразились в трех тетрадках стихов, объединенных заглавием «*Simphonia Vitae*», две из этих тетрадок Вл. Гиппиус оставил при первой встрече Брюсову и тот их частично скопировал (далее мы печатаем их в Приложении I к их переписке). ¹⁰ На основании этих тетрадок Вл. Гиппиус составил сборник «Песни», но в опубликованных текстах эта музыкальная основа построения стихов по существу снята, потому они кажутся куда менее экспериментальными, чем стихи добролюбовского сборника «*Natura naturans. Natura naturata*».

В составленном позднее плане издания своих стихов, озаглавленном «Завет», этот ранний период своего творчества Вл. Гиппиус определил как «Отречение», подразумевая декадентское отречение от религиозных ценностей, гипертрофию личностного восприятия мира. Это отречение носило метафизический характер, но было и другое отречение, отречение от Добролюбова и их изначально общих эстетических исканий.

Началом этого отречения стало знакомство Вл. Гиппиуса с З. Н. Гиппиус и ее мужем Д. С. Мережковским. Поначалу Вл. Гиппиус отправился к ним по делам их общего с Добролюбовым замысла – издания журнала «Горные вершины», о котором речь пойдет в предисловии к публикуемой далее переписке Вл. Гиппиуса и Брюсова. ¹¹ Приглашение принять участие в журнале Брюсов получил от Добролюбова в январе 1896 года, о программе журнала в письме было сказано: «журнал “Горные вершины” затеян с той целью, чтобы

объединить все “новейшее” в музыке, литературе и изобразительных искусствах».¹² В письме Добролюбова сообщалось также, что редакция предполагает получить стихи от З. Н. Гиппиус и Мережковского.

С предложением о сотрудничестве обратился к ним Вл. Гиппиус. Состоявшееся тогда знакомство с З. Н. Гиппиус дало неожиданный результат: она сразу принялась за его перевоспитание, поскольку сама она в этот период деятельно боролась с декадентством. На предложение принять участие в журнале она ответила гневной отповедью в письме от февраля 1896 года, направленном из Сорренто: «Любезный племянник, не могу вас порадовать. “Горные вершины” обойдутся без моего блистательного имени. Тем менее это печально, что там будете вы, и для случая можете сойти за меня. В данное время у меня нет буквы ненапечатанной – да, признаться, если бы и было – я бы не дала. Сборник – это кружок людей солидарных. А я решительно не чувствую себя солидарной с Добролюбовым, со всеми туманами декадентства, которые благодаря его стараниям, заволокут ваши бедные горные вершины. <...> Нет, дорогой племянник, вы не сердитесь, вы очень милый мальчик, не чета Добролюбову, поболтать я с вами всегда рада – а уж насчет сборника простите: пуще огня боюсь всякого декадентства, и даже всякого к нему прикосновенья. Бог с ним! Пусть сей цветок отцветает в мире... смотрите только, не отцвел ли он? Будьте осторожны – чтобы не быть, хотя самое короткое время, смешным».¹³ К этому ответу Мережковский сделал приписку: «Я тоже не знаю, могу ли участвовать в сборнике, где Добролюбов. Лучше подальше».¹⁴

В ответном письме Вл. Гиппиус не только не встал на защиту своего издания, нет, он радостно согласился с мнением тетушки: «К вашему удивлению или неудивлению я чрезвычайно рад, любезная тетушка, что вы поступили нелюбезно по отношению к сборнику. Ваш ответ пришел тогда, когда я и сам отказался от участия в нем моими вещами. Покуда лежит в “портфеле редакции” моя статья, которой я не приписываю значения как литературному произведению и поэтому может быть оставлю в сборнике, хотя едва ли. Сборник этот, по моему убеждению – черт знает что. После длинных и то скливых загвоздок – дело кончилось тем, что сей сборник (литературный сын “русских символистов”), переименованный прежнее название – на название “На рубеже”, будет состоять из 200 страниц, на ко-

торых 50 будут принадлежать Добролюбову, 40 (вторая $\frac{1}{4}$ – в общем половина) Квашнину. Остальное разное: Льдов, Фофанов, Бальмонт, Сигма, жена Минского и еще, еще что-то понемногу. Участвовать в таком сборнике – мне стало холодно в груди. Раньше дело обстояло куда иначе!.. Спасибо и Дмитрию Сергеевичу: я уже *отошел от них ото всех* в литературе: что бы я ни выражал, талантливое или неталантливое, умное или глупое, оригинальное или банальное, высокое или низкое, как бы я ни писал, вычурно или просто, декадентски или недекадентски, я хочу выражать только себя, только свою душу – в *наименее* приблизительных словах (я говорю *наименее*, потому что степень приближения в зависимости от таланта). Насколько я сумел; я люблю форму; как и Душу, которая в форме... Надо быть одиноким и *разгадывать* какую-то большую Тайну. Сборник – лавочка... Бог с ней! Подальше, никаких коалиций, никаких всеобщих литературных скопищ!». ¹⁵ По свидетельству П. П. Перцова, отказ от участия в журнале Вл. Гиппиуса произошел в тот момент, когда «первый номер уже составился и ждал только цензурного разрешения», в результате чего он так и не вышел. ¹⁶

Позднее Вл. Гиппиус настаивал, что его отход от Добролюбова и декадентства произошел по собственной воле, но З. Н. Гиппиус считала это своей заслугой и с гордостью сообщала Минскому 27 января 1896 года: «Слыхали вы, что я приручила Гиппиуса, отринув Добролюбова. Нахожу, что поступила остроумно, ибо Гиппиус талантливее и скромнее». ¹⁷ Понимал это и Сологуб, который писал ему 25 июля 1897 года: «...Вы, к моему искреннему прискорбию, в последнее время начали отмечать декадентство. Это – влияние Мережковских? И особенно Зинаиды Николаевны? <...> Только вот зачем Вы от декадентства отрекаетесь? ... В Вас, кажется, засела несчастная мысль, что время изменилось, что-то там такое вышло из моды, нужно что-то иное, новое и т. д. А мне всегда смешно, когда говорят, что декадентство вышло из моды. Дамские слова. Впрочем, З. Н. серьезно думает, что декадентство только в том и состоит, что какие-то шалопуты видят звуки и любят зло. Надо же идти по направлению к концу и сооружать храм». ¹⁸

Отход от декадентства был уже не метафизическим, а реальным отречением от всего, чему он прежде поклонялся, и подобные отречения в его судьбе повторялись позднее неоднократно.

Решительность его отхода бывшие соратники по новому искусству оценили не сразу, продолжая возлагать на Вл. Гиппиуса надежды. Задумав в 1899 году сборник «Книга раздумий»,¹⁹ где была предпринята еще одна после «Горных вершин» попытка их совместного выступления, Бальмонт рассчитывал и на участие в сборнике Вл. Гиппиуса. Как следует из публикуемой далее переписки с Брюсовым, не сомневался в нем как в единомышленнике еще один участник сборника «Книга раздумий» – молодой начинающий поэт Иван Коневской, с которым Вл. Гиппиус вступил в переписку.²⁰

Но Вл. Гиппиус не просто уклонился от участия в «Книге раздумий», он написал на сборник небольшой, но разгромный отзыв в журнале «Мир искусства», куда он попал уже по протекции Мережковских, где из всех участников пощадил одного Бальмонта: «Г. Бальмонт владеет плавным, но не всегда выразительным стихом, несколько чуждым поэтического движения; стих Ив. Коневского, не чуждый поэтического движения, выразителен, но уродлив; г. Брюсов писал бы, вероятно, недурно, если бы свои непритязательные настроения выражал не таким притязательным стихом; г. Дурнов, судя по напечатанным в сборнике стихотворениям, вовсе не имеет литературной способности... Какой общий смысл *Раздумий*, какое направление соединило четырех авторов, и отсюда – в чем значение такой брошюрки? – остается неясным».²¹

Отзыв Вл. Гиппиуса о Брюсове можно было бы назвать снисходительным, если не учитывать, что все то, что было названо «непритязательными настроениями», выраженными «притязательным стихом» составляло для Брюсова главное в его стихах тех лет.

Но еще более разгромной была его рецензия на первый сборник стихов Ив. Коневского «Мечты и думы. 1896–1899» (СПб., 1900), который он в буквальном смысле слова изничтожил: «Стихотворения Ив. Коневского (со включением помещенных в Книге Раздумий) собраны в одну книжку вместе с критическими и путевыми очерками в прозе. И то, и другое, и третье – искренно, и даже талантливо, но язык в них до того безграмотен, стиль неряшлив и последовательность самых мыслей до того уродлива, что чтение книжки и чрезвычайно трудно, и неприятно. Каковы бы ни были вкусы и убеждения писателя, каковы бы ни были его способности, – одно стоит вне всякого сомнения, одно совершенно необходимо: он должен писать грамотно, раз-

вивать мысли последовательно, выражаться с возможной точностью, ясностью и даже изяществом. До этих черт и стихи, и проза не имеют места не только в поэзии, но и вообще в литературе. Строгость же к самому себе есть первый показатель значительности всякого дела.

Ив. Коневской позволяет себе писать так: “Взором, подобным врагам, правишь над дерзким ты суд” ... “Глядел в те дни я исподлобья, но не терял из виду свет, не уходил все глубже в гроб я, я помнил радости завет” ... “А бедные горы все до единой словно испытали обморок” ... “Наглядимся на тамариссы, разбежимся по странным взморьям, а потом проникнем в край лысый к незапамятным плоскогориям” ... “Ужель отдаться играм проблесков минутных, ужель махнуть рукой и вне себя порхать?” ... “А я лежу, хриплю, поверженный, нагой, в недуге мерзостно-волшебном” ... “Под темно-золотою сенью волос и сильных, и благих” ... “И тают вздохи облегченья, развеяв вновь эпитрахиль” ... “На бледных и густых устах” ... “Я в дни часов медлительных, душа с большой точкой”...

До тех пор, пока Ив. Коневской не научится писать грамотнее, все, чтобы он не написал, останется вне литературы.

“Мечты и думы” невозможно *оценивать*, потому что такие стихи и такую прозу невозможно читать; по крайней мере для этого требуется большое усилие, а усваивать <так в тексте – *Е. И.*> их содержание – даже труд. В чем же ручательство, что труд окупится глубоким смыслом их? Доброжелательная критика в лучшем случае сможет признать за “Мечтами и думами” и всеми подобными сборниками значение ученических работ, выполненных неудовлетворительно». ²²

Этот свой отзыв об Ив. Коневском, которому суждено было вскоре погибнуть, Вл. Гиппиус позднее вспоминал с большим сожалением: «грубо разошелся с Ореусом (Коневским), который меня так нежно любил. (Один из моих смертных грехов тоже из-за того же “отреченья”»). ²³

Эти два отзыва можно назвать своего рода финалом отречения от декадентства, хотя Брюсов после организации первого издательства символистов «Скорпион», на страницах альманаха «Северные цветы», предпринял еще одну, третью по счету попытку собрать под одной обложкой всех, кого он считал представителями нового искусства, и по инерции пригласил туда и Вл. Гиппиуса. Участвовать в альманахе тот согласился и даже опубликовал здесь пять своих стихотворений, но уже

за подписью Владимир Г...ъ.²⁴ Причем одно из этих стихотворений «Нет отречения в отреченье...» было полемически направлено против Добролюбова, который к этому моменту не только отрекся от литературы, но и «ушел в народ», став странствующим проповедником.

Дальнейшую эволюцию Вл. Гиппиуса проследить можно только пунктирно и единственным ориентиром здесь является уже упоминавшийся план организации собственных сочинений в трех частях под заглавием «Завет», который мы приводим полностью:

Завет

1. Скиталец по земле

Ч. 1. Отречение. 1893–1896.

Ч.2. Возвращение. 1896–1906.

2. На семи путях

Ч. 1. Ночь в звездах. 1907–1912.

Ч. 2. Затмение звезд. 1912–1913.

Ч. 4. Звезды днем. 1913–1914.

Ч.4. Радуга в ночи. 1912–1918.

3. Инок (Вольные сонеты)

Ч. 1. Томление духа. 1912–1916.

Ч.2. Всенощное бдение. 1917–1920.²⁵

Из этого плана следует, что стихи Вл. Гиппиус писал на протяжении многих лет, с 1893 и по крайней мере до 1920 года. Трехчастное их объединение заставляет вспомнить о трехтомном «романе в стихах» Блока, который был для него предметом поклонения, как это следует из упоминавшихся выше воспоминаний «О Блоке, что помню». Но в отличие от Блока, неоднократно и подробно объяснявшего смысл, который он вкладывал в композицию своего «романа в стихах», план Вл. Гиппиуса такими пояснениями не сопровождался, и потому он не поддается однозначной интерпретации.

В плане «Завета» обращает на себя внимание то, что хронологические рамки некоторых частей накладывались друг на друга. Если учесть при этом, что на этот период приходятся такие события как Первая мировая война и две революции, то принцип их формирования вызывает вопрос – эти стихи как-то не связаны с исторической реальностью? Другой вопрос вызывают заглавия циклов – «Звезды

днем» и «Радуга в ночи», их явный алогизм также не сопровождается авторскими пояснениями.

Можно предположить, что заглавие «Завет» содержит отсылку к религии Третьего завета, которую исповедовали Мережковские, и отдельные части «Завета» отражают этапы этой эволюции. Заглавия некоторых частей («Инок», «Всенощное бдение») предполагают, что эти этапы обладали религиозным содержанием в духе неохристианских идей Мережковских.

План остался достоянием архива, реализован он был частично при публикации подборок стихов и отдельных сборников, при этом никаких отсылок к целостной их связи отдельные публикации не содержали. При издании стихов в виде сборников проявилась еще одна важная особенность творческого пути Вл. Гиппиуса: за редким исключением каждый сборник он печатал под новым псевдонимом, который использовался и при публикации подборок стихотворений. В итоге даже в узком символистском кругу далеко не все были посвящены в тайну его авторства. Например, весьма заинтересованно относившийся к Вл. Гиппиусу Сологуб, получив от него в подарок сборник «Ночь в звездах», изданный за подписью Вл. Бестужев, признавался, что не подозревал, что это его стихи.²⁶

Под собственным именем был опубликован лишь первый сборник, хронологически совпадающий с разделом «Отречение. 1893–1896», – «Песни» (СПб., 1897), да и то, в публикуемом далее письме к Брюсову, Гиппиус подчеркивал, что сборник не предназначен для продажи и рецензий, и прислать его Брюсову он отказался.

Второй раздел плана «Возвращение. 1895–1906» был опубликован под псевдонимом «Вл. Бестужев» (СПб, 1912), за этой же подписью была опубликована и подборка стихотворений «Из книги “На семи путях”» в журнале «Русская мысль» (1909, № 4) благодаря содействию З. Н. Гиппиус; однако какие именно семь путей имел в виду автор, можно только догадываться. Раздел «Томление духа. 1912–1916», хронологически также относящийся к этому второму этапу, опубликован под новым псевдонимом Вл. Нелединский; обмен стихотворными посланиями с Блоком на страницах журнала «Гиперборей» он вел от имени Вл. Бестужева.²⁷

В итоге к читателю в разное время пришли четыре сборника стихов одного автора, но за разными подписями: Вл. Гиппиуса – «Пес-

ни» (1897), Вл. Бестужева – «Возвращение» (1912), Вл. Нелединского – «Ночь в звездах» (два издания – 1915 и 1917) и «Томление духа» (1916). Появляясь в литературном процессе под разными псевдонимами и именами и периодически из него исчезая, Вл. Гиппиус так и оставался, как выразился его ученик по Тенишевскому училищу Вл. Набоков, «тайным автором прекрасных стихов», и в тайну этого авторства были посвящены весьма немногие даже из близкого окружения.

Помимо периода, обозначенного как «Отречение», можно предположить, что подразумевал Вл. Гиппиус, называя сборник своих стихов 1896–1906 годов «Возвращение»: сближение с Мережковскими, которые ввели его в круг «Мира искусств», где были опубликованы его боевые рецензии, направленные против бывших соратников-декадентов. Но, по мнению З. Н. Гиппиус, он оставался индивидуалистом, по крайней мере именно так она описала его творческий путь, как он отразился в книге стихов «Возвращение»: «Мы ясно увидели знакомый лик настоящего поэта-индивидуалиста, одинокого до отвлеченности, до отчаянья, но, несомненно, существующим “Я”. Бестужев остался на той ступени, на которой говорят: “есть Я” или “есть только Я”... <...> Бестужев, благодаря именно крайности и определенности своей индивидуалистической позиции, близок к “возвращению”. Он пишет: “...Господь навек мой посох поднял, / Господь погнал меня, иди...”».²⁸

Отношения с Мережковскими также не были равными, здесь были свои периоды «отречения» и «возвращения». В начале 1900-х годов Вл. Гиппиус находился полностью в руках Мережковских, он входил в их интимный кружок, совершавший богослужения на дому, о котором вспоминал в апологетической статье о Мережковском: «Он основал религиозно-философское общество, развившееся из того кружка (сначала очень обширного, потом очень тесного), который собирался в течение нескольких лет у него в квартире».²⁹ Это тот интимный кружок, первоначально состоявший из семи членов: помимо Мережковских в него входили Философов, Розанов, Перцов, Бенуа и Вл. Гиппиус.³⁰ Однако близость к ним Вл. Гиппиуса тщательно скрывалась, так что З. Н. Гиппиус в одном из писем сравнила Вл. Гиппиуса с тайным учеником Христа Никодимом.³¹ По моим предположениям, это было связано с педагогической карьерой, исключавшей членство в подобных объединениях.

О трудностях общения с Вл. Гиппиусом его тетушка писала: «Вы – моя душевная забота вечная, большая, чем кто бы то ни было из оставшихся в СПб. Они там все с кем-нибудь, а вы, в некотором смысле, один. При вашей тенденции удаляться под сень струй каждую минуту – невольно думы о вас, всякие, и корыстные и бескорыстные». ³² Об эту способность Вл. Гиппиуса исчезать в нужный момент, разбивались все периодически возникающие корыстные планы Мережковских. Живя подолгу за границей, они нуждались в помощниках в России, но все, в том числе и Вл. Гиппиус от этой роли последовательно уклонялись.

Войдя к 1900 году в их интимный круг, уже применительно к 1902 году он вспоминал: «Скоро я отошел и от Мережковских. Не принимал участия даже в “Новом пути” и в “религиозных собраниях”». ³³ Но если Религиозно-философские собрания он не посещал, то в деятельности Религиозно-философского общества, где Мережковские занимали руководящие позиции, Вл. Гиппиус участвовал. Именно там состоялся его доклад «Пушкин и христианство», изданный отдельной книгой в 1915 году. Изложенные в ней суждения Вл. Гиппиуса о религии и религиозности основывались на том понимании христианства, которое установилось в кругу Мережковских. Описывая отношение Пушкина к христианству, он пользовался их эзотерическим языком, отчего его суждения вызывали очень часто недоумение.

Этот эзотерический язык, особый понятийный аппарат, который он выработал в своем достаточно уединенном развитии, особенно ярко проявился в книге «Пушкин и христианство». Еще на стадии доклада им заинтересовался Блок, но получив его издание в подарок от автора, признавался, что не принимает его терминологию. Б. А. Грифцов в рецензии отмечал, что брошюра Вл. Гиппиуса «строит своей фразы и ходом своей мысли принуждает к перечитыванию, после которого все же нет уверенности в том, что мысли автора поняты верно». ³⁴ Позднее Б. В. Томашевский писал, что брошюра представляет собой образец «типичного самопризнания в цитатах из Пушкина», в котором «о христианстве ничего не говорится». ³⁵

В самом деле, Вл. Гиппиус умудрился написать о христианстве Пушкина, даже не упомянув его переложение молитвы Ефрема Сирина («Отцы пустынники и жены непорочны...»), не упомянув ни одного его высказывания, в которых отразились христианские воззрения.

При этом он утверждал: «Пушкин – наша органическая христианская жизнь, в ее томлениях греха и святости, в ее колебаниях всех роковых антиномий, в ее борении плоти и смерти. Пушкин – наше все, до черты религиозного сознания, которое приемлет действительную общественность в порывах к воскресению всей плоти. Пушкин – высший знак нашего культурного обета, потому что ни у кого чувственность так инстинктивно и властительно не претворялась в страстность. Это – наша томящаяся плоть, преодолеваемая, преображаемая... Но – еще бездейственная, еще не прожженная для Царства Духа, – где она, сгорев *здесь* в страстях, вспыхнет в Его несгорающем Огне; где смерти не будет, потому что все будет жизнь – все плоть всех людей и тварей: та, в которую был всегда влюблен Пушкин, в которой он, томясь, перегорал для грядущего – в мире Отца и Сына – царства пламенеющего Духа и воскресенной плоти».³⁶ Приходится признать правоту Б. А. Грифцова, что даже после перечитывания «нет уверенности в том, что мысли автора поняты верно».³⁷ Возможно, ключ к ней лежит в идеях Третьего Завета Мережковского.

В итоге Вл. Гиппиус, как он сам выразился, «периодически причаливая к литературного берегу», так и не стал полноправным участником литературного процесса, а его творчество осталось известно лишь очень узкому кругу читателей.

¹ Проза Владимира Гиппиуса 1890-х гг. / Предисл. и публ. В. Н. Быстрова // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 27–43; *Гиппиус Вл. В.* О Блоке, что помню / Предисл., публ. и коммент. А. М. Грачевой и О. А. Линдеберг // Там же. С. 27–44.

² Цит. по: Русская литература XX века. 1890–1910. Под редакцией профессора С. А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 257.

³ *Гиппиус Вл. В.* О Блоке, что помню. С. 60.

⁴ О реальных и вымышленных участниках альманаха см.: *Гудзий Н. К.* Из истории раннего русского символизма. Московские сборники «Русские символисты» // Искусство. 1927. Кн. IV. С. 180–218; *Иванова Е. В., Щербаков Р. Л.* Альманах В. Я. Брюсова «Русские символисты»: судьба участников // Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. Блоковский сборник XV. Тарту, 2000. С. 33–75.

⁵ Неопубликованная статья Вл. Гиппиуса о Добролюбове цит. по редакционной заметке С. А. Венгерова в кн.: Русская литература XX века. 1890–1910. Кн. 1. С. 257.

⁶ *Гиппиус Вл.* О себе самом // Петрополь. Литературная панорама. 1993–1996. СПб., 1996. С. 121.

⁷ *Брюсов В.* Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых. 1927. С. 76.

⁸ *Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890–1910. Кн. 1. С. 261

⁹ Там же. С. 262–263.

¹⁰ См. с. 64–66 наст. изд.

¹¹ См. с. 33, наст. изд.

¹² РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 16, л. 1.

¹³ Письма З. Н. Гиппиус к Вл. В. Гиппиусу: 1898–1914 / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Ю. А. Рыкуниной // Литературное наследство. Т. 106. В 2 кн. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. Кн. 1. М., 2018. С. 455.

¹⁴ *Иванова Евг.* Александр Добролюбов – загадка своего времени. Статья первая. Приложение: Ранние редакции стихотворений А. Добролюбова // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 218.

¹⁵ Там же. С. 219.

¹⁶ *Перцов П. П.* Литературные воспоминания: 1890–1902 / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 187.

¹⁷ Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским: 1891–1912 / Вступ. статья, примеч. С. В. Сапожкова; составл. и подгот. текстов А. В. Сысоевой, С. В. Сапожкова // Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1. С. 334.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 21, л. 2.

¹⁹ Книга раздумий. К. Д. Бальмонт. Валерий Брюсов. Модест Дурнов. Иван Коневской. СПб.: Тип. «В. Балашов и К^о», 1899.

²⁰ *Коневский Иван.* Письма к Вл. В. Гиппиусу / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1977 год. СПб., 1979. С. 79–98.

²¹ *В. <Гиппиус Вл. В.>* Книга раздумий: К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Дурнов, Ив. Коневской. Москва, 1899 // Мир искусства. 1900. Т. 3. № 5–6. С. 107.

²² *В. <Гиппиус Вл. В.>* Мечты и Думы – Ивана Коневского. С.П.Б. 1900 г. // Там же.

²³ *Гиппиус Вл.* О самом себе. С. 121.

²⁴ Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901. С. 96–101.

²⁵ ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 199, 1 л.

²⁶ ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 224, л. 13.

²⁷ Гиперборей. Ежемесячник стихов и критики. П. Ноябрь. СПб., 1912. С. 3, 8.

²⁸ *Крайний Антон <Гиппиус З. Н.>* «Я» и «Что-то» // Новая жизнь. 1913. № 2. Стб. 172–173.

²⁹ *Бестужев В. <Гиппиус Вл. В.>* Литературно-общественная смена // Голос жизни. 1915. № 9. С. 16.

³⁰ *Гиппиус З.* О Бывшем (1899–1914) // Гиппиус З. Дневники. М., 1999. С. 91.

³¹ Письма З. Н. Гиппиус к Вл. В. Гиппиусу. 1898–1914. С. 468.

³² Там же. С. 474.

³³ *Гиппиус Вл.* О самом себе. С. 121.

³⁴ *Грифцов Б.* Гиппиус В. Пушкин и христианство. Петроград, 1915 г. Стр. 43. Ц. 80 к. // Русская мысль. 1916. № 1. 3-я паг. С. 1.

³⁵ *Томашевский Б.* Пушкин. Современные проблемы изучения. Л.: Образование, 1925. С. 93.

³⁶ *Гиппиус В.* Пушкин и христианство. Пг., 1915. С. 43.

³⁷ *Грифцов Б.* Указ. соч. С. 2.